

Ой, поїхав наш Микола
Та свободи добувать, —
Забажалось козакові
Сірим людям волю дати.

Він приміряв, він прикинув,
Як братерства те зробити,
Як до ладу у ставцях
Ті порядки закріпить.
Добре буде, як кубанці,
Браття терці та донці
В славнім ділі з'єднаються
Як ті палці в кулаці.
Ще міцніше діло буде
Як сусіди всі зараз
Будуть радіться у куші
І народня буде власть.

Так то думав наш Микола
І на Раді так казав,
Щоб братерство скрізь настало,
Як народ того бажав.
Та зла доля не судила
Козакові довго жити,
Чорний ворон крикнув в полі,
Кривда правду стала кричи.

Вічна слава Рябоволу!
Слава і його ділам!

Н. С. Рябовол — сын простого казака станицы Динской. Учился в реальном училище (в Ек-даре), после окончания которого поступил в Киевский Политехнический Институт. Из-за недостатка средств не мог окончить его вовремя; потом он принял очень деятельное участие в общественной работе на Кубани — в кооперации и на Черноморско-Кубанской железной

дороге, учредителем, а потом и директором правления которой он был. На этом посту его застала Мирровая война. Он был призван, окончил школу прапорщиков, а революция 1917 года застала его прапорщиком где то, не то в Петрограде, не то в Фивляндии. Но уже на первом (апрельском) Кубанском Съезде мы видим его в роли товарища Председателя этого съезда (председателем был Д. С. Иваненков).

Интересно отметить здесь следующее обстоятельство. На первом общеказачьем съезде в Петрограде (в конце марта, 1917 г.) Председателем его был избран оренбуржец, тогда полк. Дутов. Фактически же руководил съездом тов. председателя М. П. Богаевский — потом баян донского казачества. Точно также на апрельском (1917) кубанском съезде фактически руководил роль в президиуме играл Н. С. Рябовол. Уже тогда он, может быть сам того не подозревая, приготовил себе то, что когда собралась осенняя Рада, он был довольно единодушно избран Председателем ее (как „умелый председатель“), да так и остался потом бессменно на этом посту. Все члены Рады, даже противники его ценили в нем не только интеллект и волю, но и его способность быстро ориентироваться во всякой обстановке, уметь выходить из самых трудных положений. Действительно, никто не мог откаать ему в подлинном уменьи, пожалуй даже — искусстве председательствования.

Во главе Законодательной Рады он участвует в первом и втором кубанских походах 1918 года. Большевицкие дули в него не пошали. Попали другие. Но не умерла его память в кубанских сердцах.

И не умрет. История казачьего освободительного движения принадлежаше оценит политическую роль первого и бессменного Председателя Куб. Рады. Казачество его не забудет. И когда оно снова будет хозяином на своей Земле, — оно сумеет создать ему — своему избраннику и своей жертве искусительной — достойный памятник.

Н. Б.

Шамба Балынов.

О судьбах Казачества.

Недавно в газетах промелькнуло сообщение, что большевизм административно-политический центр Донского Края перенесли из Новочеркасска в Таганрог.

С точки зрения „рассказывания“, уменьшения и, если возможно, полного уничтожения казачьего влияния в Краевой жизни, что большевики упорно и методически делают, — это самая естественная мера и самое верное средство для достижения основной цели большевиков и вообще русских „великодержавников“.

Собственно говоря, даже странно, почему это перенесение Краевого центра из города с казачьим населением в город с населением неказачьим состоялось только теперь? Большевикам, конечно, известно, ставшее в современной науке об обществе бесспорным, положение, что страной управляет города; что основными социальными агрегатами нашего времени, двумя основными общественными факторами, аппаратами, человеческого общества современного общества являются город и деревня. При чем, в системе распределения общественного труда в государстве самая низшая функция — земледелие, скотоводство и физическая работа в других областях, — падает на деревню, а самая высшая интеллектуальная функция — международная политика, промышленность, торговля, политическое и военное управления и иные культурно-научные работы, работы по искусству, — принадлежит городу. Именно он, город, определяет и направляет государственную и международную жизнь современных народов, обществ.

В согласии с этим общим положением и основной целью большевиков — уничтожения Казачества — давно нужно было ожидать перенесения Краевого центра из казачьего Новочеркасска в „продетарский“, интернациональный город Таганрог, чтобы казачий город Новочеркасск снизился до положения деревни

для служения „полножию трона“ Таганрогу, цитадели „красы и гордости революции“. Но, по непонятным причинам это случилось только теперь.

Казакам, думающим о возрождении Казачества, стремящимся к строительству казачьего государства, следует серьезно задуматься над вопросом общественно-политической и социально-экономической роли городов в государствах, выяснить социальный и национальный состав городов на Казачьих Землях, а разобрав и уяснив себе это, сделать соответствующие и необходимые выводы.

Кто управляет городами, тот управляет страной. Почему же роль города в цивилизованных странах так велика? Потому что, город организует и ведет промышленность, торговлю, искусство, науку, вообще духовную культуру, а главное, политическое руководство государствами осуществляется городами... Кто господствует в городах, тот господствует над целой страной, управляет или направляет деревню... Духовная культура, хозяйство и политика общества собрана в городе. Город определяет цены на продукты сельского хозяйства, город признает все духовное, культурные ценности, которых очень малая часть попадает в деревню. Город создает общественные идеалы, приводит к революции, ведет международную политику, войны, используя крестьян, как материал. Деревня составляет в город человеческий материал для всяких целей, составляет продукты своего бедного хозяйства и подвергается эксплуатации. Материально бедная, культурно темная, политически бессильная, юридически поставленная на последнее место, деревня есть подожкием города*).

*) М. Шаповал — Город и деревня.

Таково общее положение взаимоотношения города и деревни в стране, государстве. Нельзя не признать справедливости этого положения в отношении всех народов, государств. Это положение может не иметь дурного последствия в деле нормального развития данного народа, государства если большинство населения в городах принадлежит самому народу, территорию данного государства занимающему. Но если это большинство в городах находится в руках пришлых, чужеродных элементов, как например во многих городах на Украине, Кавказе, Туркестане и т. д., то такое положение имеет роковое последствие в деле развития народа, укрепления государства. В таком случае народ экономически закабаляется городом, т. е. чужеродным элементом, национально деградирует в под влиянием культуры чужих городов, постепенно теряя национальное сознание, национальную особенность, доходит до такого положения, когда принадлежность к своему родному, но культурно-отсталому, деревенскому народу считается позором, как это имело место, напр., в истории чешского народа.

«Воспитание и мода до такой степени были губительны и успели так преобразовать всю молодежь, что уничтожили в ней любовь к отечеству и к родному языку. Быть чехом считалось позором, которого избегал всякий, кто стремился к просвещению» *).

Такое положение было вполне естественно, ибо культура, просвещение, к которым стремилась молодежь, исходили из города, где царствовали чужие люди, немцы, поставившие себе целью не только борьбу с чешским языком, но имевшие в виду «угасить и дух чешского народа», и которые, пользуясь техническими и государственными аппаратами, настолько умело повели и поставили дело денационализации чешского народа, что «о своем народе чешская молодежь не слышала ни где ничего радостного, ничего возвышавшего ее национальное чувство, начиная с самой низшей приходской деревенской школы и кончая аудиторией университета, и если где-либо заводилась речь о чешском народе, то иностранству прививались лишь чувства равнодушия и презрения к нему» **).

Такова общая участь всех экономически, политически и национально закабаленных народов. Украина является разительную картину, где города с чужеродным населением являются полным хозяином всей Украины, когда разной масти «великодержавники» имеют некоторое основание говорить об «украинском» Киеве, «украинской» Одессе, где «техническим аппаратом господства России над Украиной является русско-еврейский город», где «командный состав принадлежит господствующему народу (русским и евреям)» (М. Шаповал).

Такое положение явилось результатом Московской политики: «... цари московские роздали украинский землю своим слугам, украинским и чужим, заперещили крестьян, ввели всякие подати и рекрутчину, уничтожили почти все школы, а в оставшихся запретили учить на нашем языке, завели там казенных, невыборных попов, пустили к нам вновь еврейских арендаторов, шинкарей и ростовщиков, которых было выгнали казаки, да еще отдали на корм этим евреям нашу землю, запретив им жить в земле московской» ***).

Подобное положение в полной мере имеет место и в Казачьих Землях. Например, из городок на земле Донского Казачества только один Новочеркасск является казачьим городом, хотя неизменно серьезного значения в экономической жизни края, но сохраняющий за собою руководство культурно-политической жизнью Дона. Это руководство, хотя и сильно окрашенное в русский цвет, все же в силу наличия большинства казачьего населения, не утрачивало казачьего колорита. Теперь милостью большевиков и это руководство перешло к Таганрогу.

Остальные города — Ростов, Нахичевань, Таганрог и др., имеющие огромное экономическое значение не

только в жизни Донского Казачества, но и всего Юго-Востока б. Империи, были и остаются городами неказачьими. В этих городах, т. е. в руках чужеродных элементов, была сосредоточена вся экономическая, торговая, промышленная жизнь края. Через их руки вывозились все продукты тяжелого физического труда станичного казачьего населения, и через эти руки оно получало в очень ограниченном размере необходимые предметы потребления.

Другими словами, станичное казачье население своим трудом кормило и обогащало неказачье, чужеродное городское население и, обогащая последнее, давало ему возможность еще более усовершенствовать орудие закабаления, рассказывавшая казакон.

Это положение некоторые казаки выходят нормальным, естественным, ибо, по их мнению, в свободном состязании в жизненной борьбе, проявлении инициативы, творческой воли представители «великого русского народа» подавили казаков, привыкших «к разбою» и неспособных к созидательной работе и, естественно, мол, они, казаки, очутились вне вихрей жизни городов. Но, эти господа закрывают или умышленно закрывают глаза, что в силу российской политики почти вся душевная энергия, вся творческая сила казаков уходила, поглощалась военным делом, делом расширения границ «матушки России» и казаки не имели возможности отдавать свою силу на организацию своего хозяйства, организацию хозяйственной жизни своего края.

Эти же казаки, ныне возражая вольным казакам, говорят, что теперь в Казачьих землях большинство неказачьи и потому мы должны, мол, подчиниться этому чужому большинству, а к тому же Казачьи Краи так, мол, бедны, что о самостоятельной жизни и мечтать не приходится.

Но им известно, что Казачьи Краи только (Донская, Кубанская и Терская области, Астраханская, Ставропольская и Черноморская губернии) занимают территорию в 632,984 кв. вил., которая значительно превышает в отдельности все без исключения Европейские государства (без колоний). На 80,904 кв. вил. она превышает самое большое из них — Францию, на 157,547 кв. вил. — Германию и почти ровно и два раза превышает площадь Великобритании *).

Эта территория содержит в себе огромные, еще не использованные надземные и подземные богатства. Казачьи Краи вырабатывали свыше трети урожая пшеницы и ячменя по всей Европейской России и по праву назывались «шеничницей» России за покрытие местной потребности за пределы Краи вывозился хлеб на сотни миллионов золотых рублей. По мнению специалиста, этот вывоз в 1922 г. должен был достигнуть двух миллиардов рублей. Но, так как, кроме того на Юго-Востоке обрабатывалось лишь 12,7 миллионов десятин (из 57,7), так как лесные богатства не разрабатывались, так как хозяйство велось примитивно, давая лишь малую долю того, что оно может давать в действительности, — есть основание заключить, что Юго-Восток в состоянии вывести свой вывоз до нескольких миллиардов долларов в год **).

Такого вывоза можно было достигнуть при полном удовлетворении местной потребности, где «все, без исключения, население привыкло к обильному и постоянному потреблению мяса, жиров, молока, молочных продуктов», где «все население питалось без преувеличения роскошно по изобилию и доступности продуктов», где казаки «достигли уже благополучия иметь курицу в праздничный день, о чем мечтал король Генрих IV, как о великом счастье для француза» ***).

О естественных надземных и подземных богатствах Казачьих Земель не стоит говорить. Они совсем еще не использованы. О развитии каменноугольной, нефтяной, металлургической промышленности Казачьих Краев имеются прекрасные описания в упомянутой выше книге «Юго-Восток России». Все это дает право говорить, что Казачьи Земли являются богатейшей территорией,

*) Проф. В. А. Францев — Очерки по истории чешского возрождения, Варшава, 1902.

***) Там-же.

****) М. П. Драгоманов — Историческая Польша и великорусская демократия, Париж, 1905.

*) С. Н. Сирин — Юго-Восток России, Издание К-га экон. возрождения Юго-Востока России, 1922, Берлин.

***) Там-же Из доклада С. В. Маракужева.

****) Там-же.

смело могущей поднять и выдержать государственные тяготы. Только нужна умелая организация, рациональное использование, хозяйские очи, руки...

Вся беда в прошлом заключалась в том, что огромная часть дохода от этих естественных богатств Края шла не на пользу хозяев Края — казаков, а расходилась по карманам чужих, пришлых элементов, целью которых было не благоустройство Кавказства, а хищническая выжива.

Командный состав в Казачьих Краях принадлежал пришлым элементам, а казаки играли подчиненную роль на своей Земле, довольствуясь только ролью сельского хозяина и воина, выполняя только тяжелую, физическую работу, отдавая почти все плоды своего тяжелого труда чужим людям.

Такое положение было естественным следствием московской, а еще более российской политики, ибо использование физической силы порабожденных народов для интересов притеснителей есть общее явление: с каждым порабоженным народом делается то же самое" (М. Шаповал).

А казаки, некогда сильные, свободные граждане Казачьих Республик, действительно, были порабожены великорусским народом, вернее именем этого последнего действовавшими разными владыками, и доведены до «служилого сословия». И есть казаки, доведенные подобным положением, радующиеся этому и с гордостью называющие казаков «Русью бродячей».

«Русь бродячая (казаки) провалявала доругу Русь оседлой». Казаки своей кровью и жизнью завоевали себе землю, отстаивали свое право на ней жить, а за тем «замкнутом строем медленно ползли вереница русских захарей», захватывали и удерживали за собою уступленные казачьей кровью земли, а в результате: на казачьей земле казаки в меньшинстве и ныне, на основании «демократического принципа», они не имеют права претендовать на роль хозяина на своей Земле, а должны беспрекословно подчиниться воле «большинства»!

Так ныне демократическим принципом оправдывается, узаконивается незаконный захват чужими людьми казачьих земель, всякое и методическое нарушение казачьих прав московскими и петербургскими владыками; так жалким выском идеализируется «схинокдержавниками» преступная в отношении Кавказства колониальная политика Москвы, а затем Петербурга, борясь в которой в свое время лучшие казаки потоками проливали свою кровь, складывали на плахе свои буйные головы.

А политика Москвы, а затем Петербурга в отношении Кавказства носила все признаки колонизации. Казачьей кровью завоеванные казачьи земли и ее естественные богатства объявлялись собственностью государства и царями и царями произвольно жаловались своим фаворитам и отдельным «преданным» себе лицам, чем создавался на казачьей земле класс помещиков и казачьих «старшин», что являлись могучими пособниками в деле подчинения Кавказства Москве; а с другой стороны, поощряемые, поддерживаемые политикой правительства, на казачьи земли «пошли вереница русских захарей», создавая на казачьей территории т. н. «временные поселения», на них укрепляясь, постепенно создавая свое «большинство».

Эта традиционная московская политика еще более ускоренным темпом ныне проводится большевиками, которые усиленно заселяют Казачьи Земли пришлыми элементами, создавая там молдавские, еврейские и иные колонии. Например, в Сальском округе «не так давно пустовавшие (?) степные пространства, сделались в последнее время объектом усиленной колонизации и культурного сельского хозяйства. Разрабатывается грандиозная мелпоративная Сальская проблема; появляются в большом количестве новые поселения, хутора»^{*)}...

^{*)}Краеведение на Северном Кавказе. Первоначальный орган Северо-Кавказского Краевого Бюро Краеведения, № 1—2, 1928.

И если казакам не удастся в ближайшем будущем избавиться каким угодно путем от московских большевиков, то настанет время, когда казаки на своей земле будут составлять ничтожное меньшинство, а равные «демократы» со спокойной совестью патетически будут кричать на всех перекрестках: вас, казаков, ничтожное количество, а потому потрудитесь беспресловодно подчиниться нам, большинству, а иначе — вон!

Эта политика «внедрения» является одним из безусловных признаков колониальной политики, по которому: «повсюду в мире господствующие нации домогаются продвинуть возможно больше своих «комнатрионов» в туземную гущу порабожденных наций» (Шаповал).

Одним из важных и главных признаков колониальной политики является и «эксплоатация психической энергии порабоженной нации», что с большим успехом делала Москва. Это достигается «путем включения порабоженных в культурно-идеологический комплекс господствующей нации». Порабоженные этим путем и далее подчиняются всем формам эксплуатации, однако без национального сознания этой эксплуатации, ибо у порабоженных отрицается чувство своей особенности, а следовательно, солидарности в пределах этой особенности. Порабоженные должны и далее нести свой крест неволи социальной, экономической, культурной, политической, должны забыть о праве на свою территорию, ее естественные богатства, о праве на плоды своего труда и праве распоряжения самим собою по своей воле, главное, должны потерять возможность культурного развития, какое неминуемо ведет к осознанию своей неволи^{*)}...

Положение, полностью применимое к Кавказству. К сожалению и несчастью, сотни и тысячи казачьих интеллигентов, с детства воспитываемые в школах в духе покорности и верности Москве, в духе пренебрежения к казакам-«разбойникам», отдавали и теперь отдают свои психические силы, энергию разума и чувства на службу Москве, на укрепление ее господства над Кавказством, и ныне они дошли до того парадоксального положения, что всякое заявление, призывание казаков на свои казачьи права они в лучшем случае встречают благосклонной улыбкой («казакomania»), а часто подобные заявления квалифицируют «памяной мутью России». Эта часть казачьей интеллигенции, несцело подверженная политике «идейного опустошения и политической централизации, а также под влиянием денационализации высших классов, все более теряла целостность национально-политического идеала^{**)} и в конце концов полностью отвергла казачью идею.

Эти люди были самыми лучшими пособниками того, что ныне представители великорусского народа с некоторым основанием могут заявлять, что все казачье — наше, и на этом основании отдавать казачьи города и руки неказаков, а самих казаков довели до того униженного положения, что они на своей Земле стали только селско-хозяйственными батраками, без фактической возможности играть существенную роль в культурной, экономической жизни своего Родного Края.

Эти казачьи интеллигенты, всецело подпавшие влиянию колониальной политики Москвы, забыв свой славный долг перед родившим его Кавказством, уходили в чужие края им отдавать свои силы, а на место них на Казачьи Земли широкой волной устремлялись чужеродные элементы, и, захватывая там лучшие места, укрепляясь на казачьей территории, создавали неказачье большинство и уподобялись змею из басни «Крестьянин и Змея».

Пусть вспомнят казаки — из кого в казачьих областях состояло большинство учителей (особенно в средних школах, не говоря о высшей), судей, докторов, начальников, служащих транспорта, купцов, промышленников, высших чиновников, наконец, как венец, кто стоял во главе Войска (фон Граббе, фон Таубе, фон Штиглиц-Мирский и т. д.)

^{*)} М. Шаповал.

^{**)} М. Драгоманов.

А широкая народная казачья масса, лишенная руководства, указания своей интеллигенции, культурно-политически отсталая, была бессильна бороться с политикой Москвы, щедро награждавшей казаков ролью завоевателей, расширителей Российских границ, охранителей России от самого русского народа (1904-5 г.г.) Подчиняясь этой политике, казаки почти все свои душевные силы отдавали военному делу, войне, в ущерб своему хозяйственному, культурному делу, чем широко и умело пользовались пришедшие элементы, захватывая, прибирая к своим рукам лучшие крайние экономическо-промышленные и общественно-культурные посты.

Правда, в этой военной службе казаков была одна привлекательная, положительная для казаков сторона. В этом вопросе московская политика не выполняла одно неперемненное условие колониальной политики, строго соблюдаемое во все времена и всеми народами, а именно: недопускание национально-территориальной системы комплектования войск.

К счастью для казаков, они служили в частях, сформированных „по национально-территориальному признаку“, что всех казаков взаимно знакомило, сближало, воскрешая былую историческую традицию, родило духовно, укрепляло казачью спайку, казачью связь, казачий дух.

Как же допустила Москва такую оплошность? Очевидно, объяснение этому можно найти в следующем: Москва рассчитывала, что лучше — сильные, дисциплинированные национально-территориальные казачьи части, могущие поддерживать и укреплять казачий дух, связь, но вместе с тем могущие подавлять и „внутренних врагов России“. Видимо, последнее соображение победило и казаки служили в казачьих частях, где, не потухая, глела казачья Идея, поддерживалась, укреплялась и оберегалась казачья историческая традиция, казачий дух и, когда настало время, эта Идея воспламенила ярким пламенем. Но за то эту „оплошность“ царской Москвы ныне исправила большевицкая Москва!

В результате этой колониальной политики Москвы, методически и с большим успехом проводимой вот уже в течение двух веков, казаки в огромной своей части осуждались только на физический труд, являющийся самым низким видом человеческой деятельности. Эта политика Москвы в логически вытекающая отсюда искусственная задержка культурного развития Казачества, постоянное и упорное впадение в гонимы казачьей массой, что казаки являются только воинами, „военным сословием“, а не гражданами и хозяевами своей Земли, привели к поразительным результатам.

С одной стороны многие казаки уверовали в святость этого утверждения, „убедились“ что это так и есть, а с другой — сами московские владыки в конце концов настолько проникились волевым сознанием, настолько уверовали в свою проповедь, что всякое возражение против подобного утверждения они стали почитать дикостью. Так, некоторые тишья, в особых целях изо дня в день повторяя ложь, перед людьми, в конце концов сами принимают ее за истину.

А отсюда — невозможные для нормальных людей, прямо анекдотические резолюции на ходатайстве казачьих станиц об открытии школ, кои для культурного развития всякого народа являются необходимыми так же, как необходим для человека воздух.

Например, резолюции на ходатайстве Батаалпашинской станицы об открытии в станице гимназии: 1) Обер-Прокурора Святейшего Синода Победоносцева: „Согласен, гимназия вредна...“. 2) Министра Народного Просвещения Сиягина на том же ходатайстве: „Казаки — военное сословие, им гимназия не нужна, удивляюсь ходатайству...“, и, наконец, 3) самого Николая II: „Не понимаю, зачем казакам гимназия. Не лучше ли вместо ненужной гимназии манеж...“

Возведенная в принцип несправедливость безнаказанно не проходит. Правда жестоко отомстила людям, отняв у них разум, лишив их понимания самой простой, элементарной вещи. И они в священном негодовании

восклицают: „удивляюсь“, „не понимаю“ зачем этим казакам-„разбойникам“ понадобилась гимназия; им „не нужна“, им „вредна“ гимназия, эта естественная потребность человека учиться, развиваться. Наконец, это и „опасно“, они могут осознать свою собственность, свои особые казачьи интересы. Поэтому нужно искусственно задерживать их развитие, насильно загонять в „манеж“.

Таково было печальное положение казаков на своей Родной Земле в недалеком прошлом. Еще ужаснее их положение теперь в царстве Сталина. Но гораздо худшее сулят казакам грядущие „Великой России“. Эти люди, ничего не забывшие, ничему не научившиеся, собираются зажать казаков в бараний рог, когда у них будет сила.

Но, нужно всем казакам приложить все свои усилия, действовать единым кулаком, чтобы эти угрозы остались только угрозами.

Что нужно для этого?

Необходимо, чтобы казаки сами взяли в свои руки управление общественным процессом в Казачьих Землях в области хозяйственной, культурной, политической; чтобы осуществление социальных функций перешло к самим казакам, чтобы духовное и физическое обслуживание города и страны принадлежало самим казакам; чтобы инженеры, техники, учителя, судьи, доктора, работники в торговле и промышленности — култы, директора, финансисты, банкиры и т. д. — были казаки, чтобы профессора и студенты в высших, средних и низших школах были казаки..

Как это сделать? Об этом необходимо всем казакам сообща подумать и всем вместе искать такого пути, который приблизил бы к осуществлению этих целей. Прежде всего, конечно, нужно общим усилием и всеми средствами добиваться освобождения своих Родных Крестов от московско-большевического владычества и восстановления казачьей Власти.

Пусть не смущают „демократы“ равною части простодушных казаков пресловутым демократическим принципом, постоянным и упорным криком и указанием на то, что на Казачьих Землях казаки уже в меньшинстве и что, мол, решение казачьих вопросов против воли неказачьего большинства будет попранием священного демократического принципа. Всеу глаголите...

Разные „радители“ казаков в течение веков, не смущаясь и не боясь, попирали казачьи права, резали живое казачье тело, посылали на плаху лучших сынов Казачества. А теперь „демократическим принципом“ подводит моральное и юридическое обоснование под эти бесконечные грехи, надругательства над Казачеством.

Но, это, конечно, не значит, что теперь казаки уже должны резать живое неказачье тело, попирать человеческие права неказачьего, а всего только значить, что при решении вопроса о незыблемом праве казаков на роль хозяина на своей Земле голый, формальный, отвлеченный, чисто арифметический „демократический“ принцип — негодное средство. При решении этого основного, коренного вопроса, вопроса построения Казачьего Дома, Казачьего Государства казаки имеют преимущественное право (высшее право — *Jus maxima*) решать его в интересах своих и той части населения Казачьих Земель, какая пойдет с Казачеством. Это не будет нарушением права неказачьего, а просто механическим, справедливым восстановлением казачьего права, некогда силою оружия, всевозможными ухищрениями и махинациями нарушенного московскими царями, ибо силою нарушенное казачье право ни на один момент не переставало быть правом.

Тем более казаки имеют право не считаться с волею, желанием тех пришельцев, что наводнили Казачьи Земли при большевиках. Это не значит, что казаки отвергают демократический принцип, — казаки от природы являются подлинными демократами и ени, несомненно, в управлении своей государственной и общественной жизнью будут неизменно руководствоваться этим принципом, будут охранять и укреплять его лучше, чем все „бумажные“ демократы вместе взятые.

